

В. Минто

Логика

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 51
ББК 22.1
В11

В. Минто

В11 Логика / В. Минто – М.: Книга по Требованию, 2013. – 248 с.

ISBN 978-5-458-28342-7

Книга Вильяма Минто [Минто В.], профессора логики в Абердине [Абердин], была написана им в 1893 г. и представляет собой его последний труд. Книга содержит значительную часть лекций, прочитанных Минто в философской аудитории Абердинского университета [Абердинский университет]. Его «Учебник логики» был переведен и издан Московской комиссией для организации общеобразовательного домашнего чтения [Московская комиссия для организации общеобразовательного домашнего чтения]. Своим сочинением автор преследовал две цели: поставить изучение логических формул на историческую почву и усилить значение логики как практической науки. Книга состоит из введения и двух книг: книги I «Логика последовательности силлогизм и определение», которая, в свою очередь, состоит из 4 частей, и книги II «Индуктивная логика, или логика наук». Во введении книги I Минто определяет задачи и состав науки, ее методы, начиная со времен Аристотеля [Аристотель], основателя логики, подробно разбирает логику Аристотеля, дает много примеров, рассматривает две отрасли логики: дедуктивную и индуктивную, логику как средство предупреждения ошибок, разбирает аксиомы диалектики и силлогизма. В I ч. рассматриваются такие понятия, как общие имена и связанные с ними обозначения, разложение предложений на термины путем силлогизмов, аналитические формы, практика анализа при помощи силлогизмов и технические затруднения; в ч. II диалектика, пять родов сказуемого, категории Аристотеля, трудности вопроса об отношении общих имен к мышлению и действительности; в ч. III истолкование предложений; в ч. IV взаимозависимость предложений, сюда входят силлогизм, энтимемы, условные аргументы, ошибки в дедуктивных аргументах, формальная или аристотелева индукция. Книга II посвящена индуктивной логике или логике наук. Здесь разбираются данные опыта, как основания для умозаключения или рационального убеждения, установление фактов, методы наблюдения, методы объяснения, дополнительные методы исследования, вероятное умозаключение по поводу частного случая, заключение по аналогии. Книга содержит массу примеров, которые дают хорошую умственную работу при самостоятельных занятиях логикой. Отсутствуют страницы 15-16.

ISBN 978-5-458-28342-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

СОДЕРЖАНІЕ.

ВВЕДЕНІЕ.

	СТР.
I. Происхожденіе и задача логики	7
II. Логика, какъ средство для предупрежденія ошибокъ, или заблужденій. Внутренній софистъ	17
III. Аксиомы диалектики и силлогизма	25

Книга I.

Логика послѣдовательности—силлогизмъ и опредѣленіе.

Часть I.

Элементы предложеній.

I. Общія имена и связанныя съ ними обозначенія	33
II. Разложеніе предложеній на термины путемъ силлогизмовъ. 1) Аналитическія формы. 2) Практика анализа при помощи силлогизмовъ. 3) Технические затрудненія	46

Часть II.

Опредѣленіе.

I. 1) Неудовлетворительное пониманіе словъ. 2) Проверка значенія словъ.—Диалектика. 3) Опредѣленіе значенія словъ.—Дѣленіе или классификація, опредѣленіе, названіе	61
II. Пять родовъ сказуемаго (Predicables). Словесныя и реальныя предложенія	75
III. Категоріи Аристотеля	79
IV. Споръ объ „Universalia“.—Трудности вопроса объ отношеніи общихъ именъ къ мышленію и дѣйствительности	85

Часть III.

Истолкованіе предложеній.

I. Теорія предложеній.—Теорія сужденій	92
II. „Противоположеніе“ предложеній.—Истолкованіе отрицаній	97
III. Скрытый смыслъ предложеній.—Непосредственныя формальныя умозаключенія.—Выводъ (eduction)	102
IV. Противоположность скрытаго смысла предложеній (counter-implication)	108

Ч А С Т Ь IV.

Взаимная зависимость предложений.

I.	Силлогизмъ	стр. 116
II.	Фигуры и модусы силлогизма. 1) Первая фигура. 2) Второстепенныя фигуры и ихъ отношеніе къ первой. 3) Сориты	119 128
III.	Доказательство модусовъ силлогизма.— Правила силлогизма	136
IV.	Приведеніе аргументовъ въ форму силлогизма	142
V.	Энтимемы	145
VI.	Полезное значеніе силлогизма	148
VII.	Условныя аргументы.— Гипотетическій силлогизмъ, раздѣлительный силлогизмъ и дилемма	155
VIII.	Ошибки въ дедуктивныхъ аргументахъ.— <i>Petitio principii</i> и <i>ignoratio elenchi</i>	162
IX.	Формальная или аристотелева индукція.— Индуктивный аргументъ.— Индуктивный силлогизмъ	

К Н И Г А II.

Индуктивная логика, или логика наукъ.

Введеніе	165	
I.	Данныя опыта, какъ основанія для умозаключенія или рациональнаго убѣжденія	185
II.	Установленіе простыхъ фактовъ въ ихъ послѣдовательномъ порядкѣ.— Личное наблюденіе.— Сужденіе на основаніи словъ очевидца.— Методъ проверки справедливости преданій	192
III.	Установленіе фактовъ, находящихся въ причинной зависимости другъ отъ друга.— 1) <i>Post hoc ergo propter hoc</i> .— 2) Значеніе понятія причины.— Методы наблюденія.— Экспериментальныя методы Милля	199
IV.	Методы наблюденія.— Единственное различіе. 1) Принципъ единственнаго различія. 2) Примѣненіе принципа	207
V.	Методы наблюденія.— Исключеніе.— Единственное сходство. 1) Принципъ исключенія. 2) Принципъ единственнаго сходства. 3) „Соединенный методъ сходства и исключенія“ Милля	214
VI.	Методы наблюденія.— Второстепенныя методы. 1) Сопровождающія различія. 2) Единственный остатокъ	221
VII.	Методъ объясненія. 1) Четыре стадіи процедуры мышленія. 2) Препятствія къ объясненію.— Множественность причинъ и смѣшеніе дѣйствій. 3. Доказательство гипотезы	224
VIII.	Дополнительныя методы изслѣдованія. 1) Постоянство среднихъ.— Дополненія къ методу различія. 2) Презумпція въслучайнаго совпаденія	235
IX.	Вѣроятное умозаключеніе по поводу частнаго случая.— Измѣреніе вѣроятности	242
X.	Заключеніе по аналогіи	246

ВВЕДЕНИЕ.

I. Происхождение и задача логики.

Часто спрашиваютъ: съ чего надо начинать въ логикѣ? Трудность вопроса особенно чувствовалась въ XIX вѣкѣ, когда изученіе логики оживилось и усложнилось благодаря различнымъ цѣлямъ ученыхъ изслѣдователей.

Съ чего начиналъ основатель логики? Съ чего начиналъ Аристотель? Повидимому, это простѣйшій способъ разрѣшенія нашего вопроса, потому что система Аристотеля все еще образуетъ стволъ дерева логики, хотя отъ старыхъ корней пошло множество побѣговъ и кругомъ ствола появилось множество чуждаемыхъ растений. Логика въ наше время напоминаетъ стихъ Борродэля:

An interwisted mass of fibres serpentine
Upcoiling and inveterately convolved ¹⁾.

Говорятъ обыкновенно, что логика въ теченіе двухъ тысячелѣтій сохранила тотъ видъ, въ которомъ ее оставилъ Аристотель. Логика являетъ собою примѣръ науки или искусства, доведенныхъ до совершенства сразу гениемъ основателя. Часто хотѣлось бы намъ, чтобы это было такъ; но существующее воззрѣніе невѣрно. Большая часть терминологіи Аристотеля и его славныхъ формулъ удержалась въ наукѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ позднѣйшіе ученые сдѣлали различныя дополненія къ нимъ и различнымъ образомъ ихъ толковали, часто безъ всякой цѣли.

Одинъ кэмбриджскій математикъ хвасталъ своею новою теоремою, которой „никто никогда никоимъ образомъ не могъ воспользоваться для какой-либо цѣли“. Мысль эта находитъ себѣ примѣненіе въ позднѣйшему развитію логики. Мы могли бы сказать то же самое о позднѣйшемъ развитіи любого предмета, надъ которымъ трудились выдающіеся умы въ теченіе цѣлаго ряда поколѣній, не имѣя въ виду никакихъ утилитарныхъ соображеній. Образователь-

¹⁾ Связка волоконъ, извивающихся во всѣ стороны и взаимно переплетающихся.

ныя науки—науки, предназначенныя къ воспитанію юныхъ умовъ—особенно легко могутъ уклоняться отъ первоначальной своей цѣли. Этому способствуетъ множество причинъ: удобства учителя и ученика, любовь къ новизнѣ, къ симметріи, къ тонкостямъ; лѣтность ума съ одной стороны и безпокойная дѣятельность его съ другой,— все это вліяетъ на традиционное содержаніе науки безъ отношенія къ какой-либо цѣли. Такъ было и въ логикѣ: для людей съ неповоротливымъ умомъ трудные вопросы истолковывались и упрощались, тогда какъ болѣе развитые умы варьировали старыя формулы и производили надъ ними новыя и остроумныя манипуляціи, умножая старыя различія и употребляя ихъ точнѣе и симметричнѣе.

Прослѣдить эволюцію логическихъ формъ и теорій подъ вліяніемъ различныхъ причинъ въ періодъ активнаго развитія науки—это задача, которую легче задумать, нежели выполнить, которая далеко переходитъ границы вступительнаго очерка. Но даже тотъ, кто пишетъ для начинающихъ, долженъ признать, что общеупотребительныя въ наше время формы развились изъ болѣе простыхъ элементовъ традиціи. Не входя въ детали процесса, можно указать его главныя стадіи и, такимъ образомъ, отыскать руководящую нить посреди лабиринта современныхъ теорій.

Какъ произошла Аристотелева логика? Она характеризуется главнымъ образомъ формами силлогизма. При какихъ обстоятельствахъ изобрѣлъ ихъ Аристотель? Для какой цѣли? Къ чему онъ предназначалъ ихъ? Постараемся уяснить себѣ это, и мы тогда опредѣлимъ первоначальную задачу, первоначальную сферу логики; мы поймемъ, какимъ образомъ эта сфера измѣнилась, сокращалась, расширялась и дополнялась.

Логика всегда претендовала на высокую роль „scientia scientiarum“, науки наукъ. Въ послѣднее время строителямъ этой Вавилонской башни угрожаетъ смѣшеніе языковъ. Мы избѣгнемъ этой опасности, если раскроемъ намѣренія основателя логики и позднѣйшихъ ея главныхъ строителей.

Аристотелева логика долгое время казалась міру чисто абстрактной иволированной наукой; мы съ трудомъ можемъ повѣрить, чтобы ея первоначальная форма была хоть сколько-нибудь опредѣлена условіями мѣста и времени. Въ насъ возбуждаетъ ужасъ, какъ святотатство, простой намекъ на то, что авторъ одного изъ величайшихъ и наиболѣе возвышенныхъ памятниковъ трансцендентальнаго мышленія былъ въ свое время и среди своего поколѣнія лишь выдающимся наставникомъ или руководителемъ школы, что логическія сочиненія его предназначались для усовершенствованія учениковъ въ особомъ искусствѣ, которымъ хотѣлъ блистать каждый честолюбивый молодой афинянинъ той эпохи. Но таковы факты, твердо установленные. Аристотелева логика, по своей первоначальной цѣли была такимъ же практическимъ руководствомъ, какъ трактатъ о мореплаваніи или „Кавендишъ о вистѣ“. Послѣднее сравненіе болѣе точно. Дѣйствительно, логика представляла собою гдѣть руководство къ модной въ то время умственной игрѣ, особой

манерѣ диспутовъ или діалектикѣ ¹⁾, игрѣ въ вопросы и отвѣты, которую подробно описалъ Платонъ въ своихъ діалогахъ, и которая отождествляется съ именемъ Сократа.

Мы можемъ обратить вниманіе главнымъ образомъ на умственную сторону игры п на высокія темы, которыхъ она касалась. Игра эта могла процвѣтать лишь въ средѣ народа, достигшаго высокой ступени умственного развитія; другой народъ не находилъ бы въ ней удовольствія. Афиняне и до сихъ поръ любятъ споры. Въ Афинахъ вы непременно поразитесь этимъ. Гдѣ-нибудь въ кофейняхъ или въ скверахъ, среди развалинъ Акрополя вокругъ двухъ спорщиковъ собираются группы народа; вы невольно вспоминаете Сократа и его друзей. Афиняне не говорятъ, какъ Жиль Блазъ и его ирландцы, съ жаромъ и раздраженіемъ, кончая споръ дракой. Они обсуждаютъ вопросы изъ любви къ искусству; публика сидитъ или стоитъ вокругъ спорящихъ, наслаждаясь пріятной игрой и испытывая тонкое удовольствіе при ударѣ или отраженіи. Никакой другой народъ не могъ бы спорить такъ, какъ греки, не доходя до драки. Это одна изъ характерныхъ чертъ греческаго населенія, которой оно обладало еще двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ. Около ста лѣтъ до того, какъ Аристотель достигъ зрѣлаго возраста, греки изобрѣли удивительно трудную, чисто умственную забаву, споры, въ которыхъ таился зародышъ логическихъ трактатовъ Аристотеля.

Чтобы получить ясное понятіе объ игрѣ въ вопросы и отвѣты, которую можно назвать „сократовской“ по имени славнаго ея основателя, надо прочесть нѣсколько діалоговъ Платона. Я изложу лишь схему игры, чтобы показать, насколько она пригодилась для анализа аргументовъ и предложеній Аристотеля.

¹⁾ Достоверно извѣстно — и это одно изъ доказательствъ важности, приписывавшейся, повидимому, пустой забавѣ —, что два логическихъ трактата великаго учителя, „Топика“ и „Софистическія опроверженія“, были написаны специально для руководства спорящихъ. Первый трактатъ сообщаетъ диспутанту свѣдѣнія относительно методической подготовки къ публичному обсужденію вопроса; если противникъ высказываетъ общепризнанныя положенія, то искусство диспутанта должно быть направлено къ тому, чтобы показать несомнѣстимость его утвержденій съ этими положеніями. Второй трактатъ представляетъ собою систематическое изложеніе софистическихъ фокусовъ, при помощи которыхъ иной разъ можно одержать видимую побѣду во время дебатовъ. Въ заключительной главѣ „Elenchi“ Аристотель, указывая не только на превосходство своего метода надъ эмпирическими методами соперниковъ — учителей, но и на полную его оригинальность, подчеркиваетъ силлогизмъ, какъ специальное и главное свое изобрѣтеніе. Силлогизмъ, чистыя формы котораго изложены въ первой „Аналитикѣ“, дѣйствительно образуетъ центръ логической системы Аристотеля; способы примѣненія его, — къ научнымъ истинамъ во второй „Аналитикѣ“ или къ общепризнаннымъ мнѣніямъ въ „Топикѣ“, не имѣютъ въ данномъ случаѣ значенія. Трактатъ объ истолкованіи, т. е. объясненіи смысла утвержденій и предложеній противника, предшествуетъ силлогизму, сопоставленію сужденій. Даже въ полуграматическомъ, полулгическомъ трактатѣ о „Категоріяхъ“ авторъ постоянно имѣетъ въ виду силлогистическій анализъ.

Выставляется тезисъ или предложеніе на обсужденіе, напримеръ: „знаніе есть не что иное, какъ чувственное воспріятіе“¹⁾); „совершать несправедливость хуже, нежели терпѣть ее“²⁾), „страсть къ наживѣ не предосудительна“³⁾). Диспутантовъ двое, при чемъ они не говорятъ по очереди, какъ въ наше время, когда каждому оратору предоставляется произносить цѣлыя рѣчи. Одинъ изъ диспутантовъ исключительно задаетъ вопросы, другой отвѣчаетъ. Послѣдній при этомъ можетъ говорить только: „да“ и „нѣтъ“; иногда разрѣшается небольшое поясненіе: съ своей стороны, спрашивающій можетъ предлагать только такіе вопросы, которые допускаютъ простой утвердительный или отрицательный отвѣтъ. Цѣль его состоитъ въ томъ, чтобы вынудить у противника отвѣтъ, противорѣчащій утверждаемому тезису. Диспутантъ старается привести собеседника въ противорѣчіе съ самимъ собою. Конечно, только очень глупый противникъ сразу можетъ запутаться; диспутантъ предлагаетъ ему общіе принципы, аналогіи, примѣры изъ жизни; ведетъ его отъ одного сужденія къ другому, а затѣмъ, сопоставляя всѣ сужденія, вынуждаетъ его сознаться въ своей непослѣдовательности⁴⁾).

Посмотримъ теперь, какихъ результатовъ удалось достигнуть Аристотелю при помощи силлогизма, которымъ онъ гордился, какъ своимъ исключительнымъ изобрѣтеніемъ, и формулы котораго составляли постоянную принадлежность логики даже въ глазахъ тѣхъ, кто осмѣивалъ модусы и фигуры Аристотеля, какъ устарѣвшее суевѣріе. Представьте себѣ, что въ игрѣ въ вопросы и отвѣты вы играете роль диспутанта; въ чемъ можетъ помочь вамъ Аристотель со своимъ силлогизмомъ? Какъ показываетъ самое слово, силлогизмъ приходитъ вамъ на помощь, лишь послѣ того какъ вы получили извѣстное число положеній, пожелали соединить ихъ вмѣстѣ, пожелали показать ихъ отношеніе къ обсуждаемому тезису, уяснить ихъ взаимную зависимость, опредѣлить въ нихъ элементы остаиваемаго вами принципа. Сущность силлогизма состоитъ именно въ томъ, чтобы привести допущенныя положенія къ общимъ терминамъ, къ извѣстнымъ типамъ или формамъ, которыя тождест-

1) Тестетъ, 151 Е.

2) Горгій, 473 Д.

3) Гиппархъ, 225 А.

4) Въ своемъ главномъ и первоначальномъ значеніи это былъ способъ дебатовъ, поединокъ между двумя лицами, публично сражавшимся остроуміемъ. Но эта же форма можно было пользоваться, и Сократъ дѣйствительно ею пользовался, не для споровъ, а для того чтобы показать, какія слѣдствія вытекаютъ изъ нѣкоторыхъ положеній или основныхъ принциповъ и, такимъ образомъ, приять опредѣленный и ясный характеръ смутнымъ элементамъ знанія. Соглашаясь съ предложеніями, мысль удерживала ихъ въ памяти, и диалектика, такимъ образомъ, дѣлалась цѣннымъ орудіемъ для обученія юношества и изложенія идей вообще. Но какова бы ни была цѣль диалектики,—побѣда-ли въ спорѣ или научное изслѣдованіе основныхъ принциповъ, — „эволюція прирожденныхъ члвчскѣхъ концепцій“,—главный интересъ во всякомъ случаѣ сосредоточивался на силлогизмахъ, на взаимномъ сопоставленіи предложеній, признанныхъ или допущенныхъ отдѣльно другъ отъ друга.

венны между собою или другъ отъ друга зависать. Аристотель сообщалъ своимъ ученикамъ также свѣдѣнія относительно тактики игры, но главное его открытіе заключается въ указаніи формы или типа допущеній, которыя мы должны стараться получить отъ противника, и въ уясненіи дальнѣйшаго процесса разработки достигнутыхъ результатовъ.

На примѣрѣ можно видѣть, въ чемъ состоитъ вспомогательная роль силлогизма, и какое она имѣетъ значеніе. Чтобы не заходить далеко, мы возьмемъ примѣръ не изъ Платона, у котораго темы часто кажутся намъ теперь искусственными; воспользуемся тезисомъ XVIII вѣка, знаменитымъ парадоксомъ Мандевилля, который можно еще доказывать, хотя многіе считаютъ его безнравственнымъ: „пороки отдѣльныхъ лицъ полезны обществу“. Возьмитесь защищать этотъ парадоксъ; вы легко найдете собесѣдника, готоваго отстаивать противное. Простые люди, вродѣ тѣхъ, которыхъ Сократъ подвергалъ перекрестному допросу, сразу заявятъ вамъ, что порокъ есть порокъ и никогда не можетъ никому принести добра. Вашъ собесѣдникъ просто отрицаетъ ваше положеніе: онъ утверждаетъ, что пороки частныхъ лицъ никогда не приносятъ пользы обществу; онъ не вѣритъ, чтобы вы могли заставить его признать что-либо иное. Ваша задача состоитъ въ томъ, что-бы какимъ-либо способомъ принудить его согласиться, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ порочныя наклонности частнаго лица могутъ оказывать услугу государству. Этого достаточно: вы не должны доказывать справедливости вашего положенія относительно всѣхъ пороковъ. Одного примѣра достаточно, чтобы опровергнуть общее отрицаніе вашего противника. Конечно, нельзя думать, что онъ сдѣлаетъ необходимое вамъ признаніе прямо: вы должны стремиться къ цѣли окольными путями. Вы знаете, напримѣръ, что противникъ вашъ довѣряетъ епископу Бутлеру, какъ моралисту. Напомните ему слова Бутлера: „Стремленія къ общему и частному благу не только не исключаютъ другъ друга, но даже взаимно способствуютъ другъ другу“. Допускаетъ онъ это?

Можетъ быть, нужно сдѣлать какое-либо небольшое разъясненіе или привести какой-нибудь примѣръ, для того чтобы вашъ собесѣдникъ повялъ вашу мысль. Этого вопроса тоже касались правила игры. Вы приводите примѣры и каждый разъ спрашиваете у него: „да“ или „нѣтъ“. Представьте себѣ, что кто-нибудь вступаетъ въ парламентъ, не изъ рвенія къ общему благу, а изъ простаго тщеславія или ради своихъ личныхъ цѣлей. Можетъ-ли такой человѣкъ оказать добрую услугу государству? Еще примѣръ. Молочникъ всячески старается держать молоко въ чистотѣ, не потому что заботится объ общественномъ здоровьѣ, а потому что это ему выгодно; будетъ-ли отъ этого польза обществу?

Положимъ, что на эти вопросы вы получили утвердительные отвѣты; въ результатѣ вы добились отъ вашего собесѣдника признанія того, что нѣкоторые поступки, совершаемые ради личныхъ цѣлей, приносятъ пользу обществу; что еще вамъ нужно, чтобы

одержатъ побѣду надъ противникомъ? Вамъ, конечно, выгодно было бы знать, что дѣлать дальше, но вмѣстѣ съ тѣмъ вы должны стремиться къ цѣли окольными путями, прикрываясь всякаго рода выраженіями. Это-то преимущество и давалъ намъ методъ Аристотеля. Дискутавтъ, знакомый съ его анализомъ, сразу видѣлъ, что если ему удастся принудить собесѣдника признать, что всѣ дѣйствія, предпринимаемыя ради личныхъ цѣлей, порочны, то побѣда за нимъ обезпечена; вмѣстѣ съ тѣмъ для него было ясно, что иныхъ средствъ въ его распоряженіи не имѣется.

Тутъ читатель можетъ возразить мнѣ, что все это понятно безъ помощи Аристотеля; всякій могъ бы замѣтить это, не подозрѣвая даже, что такой приемъ на языкѣ Аристотеля носить названіе силлогизма, построеннаго по способу Bokardo. Я оставляю въ сторонѣ этотъ вопросъ. Я вовсе не имѣю въ виду въ данномъ случаѣ защищать методъ Аристотеля. Я хочу только иллюстрировать способы употребленія силлогизма. Возможно, однако, что если бы Аристотель не научилъ людей своему анализу, то никто изъ насъ не могъ бы такъ быстро и ясно различать послѣдовательность или непосредовательность идей, какъ мы это дѣлаемъ теперь.

Но вернемся къ нашему примѣру. Въ качествѣ ученика Аристотеля, вы въ данномъ случаѣ замѣтили бы, что признаніе вашего тезиса должно зависѣть отъ опредѣленія добродѣтели и порока. Вы поэтому въ дальнѣйшемъ должны предложить вашему собесѣднику рядъ вопросовъ, касающихся опредѣленія понятій добродѣтели и порока. Вамъ нельзя спрашивать противника, что онъ понимаетъ подъ добродѣтелью или подъ порокомъ. Согласно правиламъ діалектики, вы обязаны предлагать опредѣленія и каждый разъ спрашивать у противника: „да“ или „нѣтъ“. Вы, напримѣръ, спросите его, согласенъ-ли онъ съ опредѣленіемъ Шефстбори, который полагаетъ, что добродѣтельный поступокъ совершается исключительно для блага другихъ. Если онъ согласенъ, то значитъ дѣйствіе, въ которомъ можно подозрѣвать какой-либо своекорыстный мотивъ, нельзя относить къ разряду добродѣтельныхъ. Если далѣе вашъ собесѣдникъ согласится, что всякое дѣйствіе должно быть или порочнымъ или добродѣтельнымъ, то вы собрали достаточно матеріала для доказательства своего первоначальнаго тезиса. Чтобы сдѣлать побѣду очевидной, вамъ остается только надлежащимъ образомъ оформить всѣ положенія.

Нѣкоторыя дѣйствія, предпринимаемыя изъ эгоистическихъ соображеній, полезны для общества.

Всѣ дѣйствія, предпринимаемыя изъ эгоистическихъ соображеній, приносятъ къ числу порочныхъ.

Изъ этихъ посылокъ неизбѣжно вытекаетъ, что

Нѣкоторые пороки частныхъ лицъ полезны для общества.

Этотъ примѣръ можетъ уяснить намъ, для какихъ диспутовъ предназначалась логика Аристотеля, и указать способы и границы ея первоначальнаго примѣненія.

Чтобы получить ясное понятіе о примѣненіи этой логики и опредѣлить, насколько она соотвѣтствуетъ современнымъ условіямъ, мы должны разсмотрѣть, что нужно было знать спорящимъ сторонамъ въ игрѣ. Имъ нужно было знать все, что необходимо подразумѣвается въ каждомъ предложеніи, все, что подразумѣвается въ двухъ предложеніяхъ, вмѣстѣ взятыхъ, при какихъ условіяхъ и въ какой мѣрѣ одно утвержденіе исключаетъ другое, когда одно утвержденіе неизбѣжно заключаетъ въ себѣ другое, когда два утвержденія неизбѣжно заключаютъ въ себѣ третье. Для всего этого, очевидно, необходимо было основательно изучить терминологию, чтобы избѣгнуть недоразумѣній изъ-за неясности языка.

Вполнѣ понятно, что силлогистическая логика или логика послѣдовательно ти вышла изъ діалектики утвержденія и отрицанія („Yes-and No Dialectic“). Все въ нашемъ мірѣ приходитъ тогда, когда въ немъ ощущается потребность; всѣ изобрѣтенія возникаютъ подъ вліяніемъ необходимости. Въ спорахъ древнихъ грековъ необходимо было главнымъ образомъ не вступать въ противорѣчіе съ самимъ собою: оставаться всегда послѣдовательнымъ. Ловкій собесѣдникъ выставлялъ одно положеніе за другимъ и принуждалъ васъ соглашаться, выбирая при этомъ особыя выраженія, для того чтобы точнѣе указать ваши предразсудки и довести васъ до противорѣчія съ самимъ собою. Безусловно необходимо было имѣть „органонъ“ орудіе или ученіе, которое указывало бы отвѣчающему средства самозащиты и руководило бы спрашивающимъ, выясняя ему, къ какимъ результатамъ приводитъ то или другое утвержденіе. Спустя вѣкъ, послѣ того какъ игра вошла въ моду, геній Аристотеля угадалъ, что для нея нужно было; при этомъ, безъ сомнѣнія, онъ имѣлъ въ виду и постороннія цѣли, возникшія изъ приложенія діалектики къ различнаго рода научнымъ вопросамъ.

Своей законченностью система Аристотеля, безъ сомнѣнія, обязана отчасти пытливому характеру діалектики, отъ которой она произошла. Никакой другой способъ вести споръ не требуетъ отъ диспутанта такой умственной ловкости и точности и не приспособленъ такъ хорошо къ раскрытію схемы аргументовъ.

Логическіе трактаты Аристотеля примѣнялись и тогда, когда вызвавшая ихъ мода прошла ¹⁾. Ясность и послѣдовательность

¹⁾ Какъ всякая другая мода, діалектика утвержденія и отрицанія имѣла свои періоды расцвѣта и упадка. Изобрѣтеніе ея приписывается Зенону Элеатскому, извѣстному своими вопросами и отвѣтами; дѣятельность Зенона относится къ срединѣ V вѣка до Р. X. Сократъ (469—399) былъ въ цвѣтѣ лѣтъ при началѣ великой Пелопоннесской войны, когда умеръ Периклъ, въ 429 году. Въ томъ же году родился Платонъ, жившій до 347 года; его преподаваніе въ „масличныхъ аллеяхъ Академіи“ нача-

мышления, умение обращаться съ запутанными и двусмысленными выражениями, открывать тождество смысла въ различныхъ оборотахъ рѣчи и сразу схватывать все, что подразумевается въ каждомъ предложении, всѣ выводы, которые можно изъ него сдѣлать, — все это находить себѣ примѣненіе всегда и при всякихъ обстоятельствахъ. Въ новѣйшее время главной задачей логики считается „освобожденіе разума отъ тѣхъ заблужденій, которые обуславливаются неясностью и запутанностью непослѣдовательнаго мышленія ¹⁾“. Этимъ прекрасно характеризуется отрасль логики, ближе всего примыкающая къ Аристотелевой традиціи.

Границы и способы примѣненія логики Аристотеля опредѣляются условіями ея происхожденія. Обѣ спорящія стороны одинаково были заинтересованы главнымъ образомъ опредѣленіемъ взаимной зависимости высказанныхъ положеній. Разъ собесѣдникъ утвердительно отвѣтилъ на вопросъ, то обязанъ былъ признать все, что въ немъ подразумевалось. Онъ долженъ былъ допускать всѣ послѣдствія того положенія, съ которымъ согласился. Съ точки зрѣнія факта, оно могло быть истиннымъ или ложнымъ, — все равно онъ былъ имъ связанъ: истинность или ложность даннаго утвержденія не имѣла значенія для диспутанта. Съ другой стороны, спрашивающій не долженъ былъ переступать границы высказанныхъ противникомъ утверженій. Часто указывали какъ на недостатокъ силлогизма, что заключеніе въ немъ не идетъ дальше посылокъ; были также остроумныя попытки доказать, что на самомъ дѣлѣ заключеніе содержитъ въ себѣ нѣчто большее, нежели посылки. Съ точки зрѣнія первоначальнаго примѣненія силлогизма, это его свойство — не переступать границы высказанныхъ положеній — было не недостаткомъ, а неизбѣжнымъ слѣдствіемъ отношеній. Спрашивающій, поступая справедливо, могъ пользоваться только тѣмъ, что призналъ его собесѣдникъ. Развивать мысль онъ могъ только при помощи аргументаціи; если его заключеніе содержало въ себѣ нѣчто большее, тѣмъ, послыки, то превращалось въ софистическій приемъ; противникъ могъ взять назадъ свои слова и не соглашаться съ доводами диспутанта. Онъ былъ обязанъ держаться лишь высказанныхъ положеній; ничто не заставляло его дѣлать хотя бы одинъ шагъ впередъ.

Такимъ образомъ, мы видимъ, насколько ошибочно считать логику Аристотеля „органомъ“ истины или критеріемъ заблужденія. По крайней мѣрѣ, въ первое время, не было ничего

лось около 386 года. Аристотель (384—322), воспитатель Александра Великаго, основалъ свою школу въ Ликее, когда Александръ сдѣлался царемъ въ 336 году и началъ свою карьеру завоевателя. Что диалектика утвержденія и отрицанія въ то время играла выдающуюся роль, обь этомъ свидѣтельствуютъ логическіе трактаты Аристотеля. Дальнѣйшая исторія игры темна. Вѣроятно, что подробное изложеніе Аристотелемъ ея законныхъ методовъ и незаконныхъ приемовъ способствовало прекращенію интереса къ ней, какъ къ забавѣ.

¹⁾ *Hamilton*, „Lectures“, III, стр. 87.